
Нина Листовская
Вторая печать

Нина Листовская

Вторая печать

«Автор»
2026

Листовская Н.

Вторая печать / Н. Листовская — «Автор», 2026

Король умирает. Его наследнику двенадцать лет. До наступления утра хранительница печати Мара должна заверить приказ, который передаст власть старшей дочери государя.Бумага готова. Свидетели расписались. Недостаёт одного- согласия самого короля. Он больше не узнаёт собственных рук и вместо ответа просит сойти у Ткацкого моста, чтобы пройти домой пешком.Без приказа регента придётся выбирать совету трёх берегов. Но речных капитанов, имеющих право голоса, уже поселили под стражей за долги казне. Распорядился об этом родной брат Мары, военный казначей. Он обещал княгине власть, она обещала ему деньги для голодающих солдат. Пока Мара ищет способ освободить выборщиков, княгиня показывает ей старый королевский оттиск. С ним можно обойтись без её согласия. До утра остаётся несколько часов, а законный наследник тем временем выходит из дворца в чужом полушубке- за руку с девочкой-чтецом, которой казна тоже задолжала.

© Листовская Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мелкая монета 5
Глава 2. Где зимуют свидетели 8
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Нина Листовская
Вторая печать

Глава 1. Мелкая монета

В ночь, когда король перестал узнавать собственные руки, мне принесли на подпись приказ о продаже его зубов.

Приказ был старый, составленный ещё при здоровом дворе. На серебро из двух вынутых коренных зубов имела честное право женщина, шестнадцать лет занимавшаяся королевскими простынями. Она выловила их при стирке. Дантист когда-то составил расписку в её пользу, секретарь записал обещание, серебряных дел мастер успел умереть, и только теперь очередь дошла до малой печати. Для обычного четверга вполне приличная работа. Зубов в мешочке оказалось три.

— Лишний мой, — сказала просительница. — Я с ними носила, авось на серьги хватит. Если понадобится для подсчёта, можете мне в рот посмотреть.

Я отделила её зуб от тех двух, которые описал дантист. На каждом из королевских была коронка в виде раскрытого листика. С чулана потребовали расписку, что опись полна. Казна отсчитала две серебряные монеты и четыре медных. Прежде чем уйти, старуха попросила меня подтвердить, что государь ещё жив.

— В коридоре уже ходят в трауре. Если умер до уплаты, это обычные наследственные, я не получу ещё шесть месяцев.

Я показала ей малую печать. Тёмно-зелёный воск был тёплый, и в нём медленно, как бывает у кошки под спящим веком, перемещалась чёрная точка. Пока государь жив, она ходит от северной башенки на королевском гербе к южной. Последним движением королевского сердца её вытолкнет на обод. Тогда она застынет.

Самое странное в моих обязанностях было то, что все, от его сестры до женщины, получившей деньги за его зубы, могли узнать от меня о смерти государя раньше, чем от лекаря. За дверью уже ждал человек, готовый за эту крупицу времени заплатить.

— Мара, — сказал мой брат, когда за просительницей закрыли дверь, — не устраивала бы представлений. Она может хоть сейчас продать кому-нибудь зубы вместе с любимой твоей государственной тайной.

— Тогда пусть хоть раз хорошо приоденется.

Он сидел у подоконника в камзоле главного военного казначея, тёмном, с одним бархатным рукавом. Другой висел у него на стене дома, простреленный и негодный, как память, из-за чего первый приходилось постоянно пришивать к разным камзолам. Богдана никогда не ранили. Ту дырку он получил, когда пуля прошла у него под опущенным локтем и следом попала в человека возле него. С тех пор мой брат ходил с одной нарядной рукой. Слуги считали, что это украшение за храбрость. Относительно храбрости у него были достоинства, но именно к дырке они отношения не имели.

— Казармы три месяца едят в долг, — сказал он. — До весеннего льда осталось недели две. На другой стороне четыре города отказались платить столичный провозной сбор. У верфей не осталось сукна. Я тебе это рассказываю прекрасно понимая, что ты, если захочешь, мне можешь просто показать на полку и предложить записаться на завтра.

— На завтра к одиннадцати есть место.

— Когда спросят, кто тут последним видел его руки, не отвечай сразу.

Я подумала, что он ждёт тайного сигнала, доброго слова от сестры. Он хотел от меня большего. На стол лёг приказ. Анна, старшая дочь государя от первого брака и вдовствующая

княгиня, назначалась опекуном двенадцатилетнего наследника Яна до достижения им установленного возраста. Регенту переходило право распоряжения казной и крепостями. Денежный двор, казармы и речные заставы по немедленному слову княгини могли получить из хранилища ровно то, что брат уговорит её отпустить. На документе уже стояли подписи двух советников и свидетеля от короля. По правилам недоставало главного: королевского согласия, сказанного при мне. Большая печать, которую я держала в ларце возле левого бока, могла подтвердить только последнее распоряжение, произнесённое государем добровольно. Так гласила присяга, и стояла она раньше, чем в доме завелись первые стеклянные окна.

— Он тебе сам скажет «да», — проговорил Богдан. — Ты его терзать не станешь. Положишь ему в руку, закроешь своей, и всё. Люди в зале хотят видеть законного регента. И я тоже.

Я поглядела на след от серебряного зуба, который оставил на столешнице свежий царапаный серп. Поднялась. Подписи были настоящие, бумага казённая. Никто не пытался меня подкупить. В семье у нас это считалось неприличным.

В дверях спальни короля сидела княгиня. Во сне лицо у неё становилось младше. Седой пробор, два синих следа от волосных шпилек над ухом, а ладонь под щекой была как у маленькой. В свои сорок лет я ещё не встречала людей настолько влиятельных, чтобы в четыре утра на голом стуле им было удобно спать. Я прошла мимо неё и увидела девочку лет двенадцати, дремавшую у изножья, с пришитым к поясу знаком королевского чтеца. Она проснулась без шума. Я вспомнила её имя, Сива. В ноябре по её прошению нам поставили в коридоре скамейку, чтобы те, кто ждёт приёма, могли сидеть. Девочка подписала прошение неровными палочками, отдельными буквами. При этом читала слитно. В этом королевстве люди, которым платили за чтение, крайне редко получали возможность при жизни что-нибудь написать от себя.

Король лежал с открытыми глазами. Он поймал мои пальцы правой рукой и положил себе под подбородок. Кожа под бородой совсем истончилась.

— Что это они делают? — спросил он.

— Кто, государь?

Он пошевелил пальцами другой руки.

— Пришли. Лезут. Скажи им, я уже ел.

Мы с Сивой подержали обе его руки, пока он не успокоился. Затем я сказала, кто я, и спросила, хочет ли он, чтобы старшая дочь заняла советное кресло, если он перестанет управлять. Он выразительно облизнул губы.

— Дайте ему воды, — сказала я.

Сива дала воды. Он спросил, при каком мы мосте. Так он привык спрашивать у лодочников во время долгих поездок. Я ответила, что при Ткацком. От него до дома оставалось несколько минут, он всегда это название любил.

— А пошли тогда пешком, — предложил король.

Он мне сказал последние свои настоящие слова. Из них нельзя было сделать даже приказ о зубах.

Когда я выходила, княгиня уже стояла. Спросила, что надо поправить в бумаге.

— Ему хочется пройти пешком. Другого я ничего из него не получила.

— Полагаю, вы кончили со мной шутить?

Сива вышла за мной. У неё была удивительно взрослая привычка носить в рукаве маленькую щёточку, которой тут же убрать за человеком восковые крошки от свечей.

— Когда человек в его возрасте собирается гулять, — сказала она, — нужно смотреть на уши. Если побелели, никуда он уже не пойдёт. У моего деда так.

Княгиня отстранила рукой её плечо и посмотрела за портьеру. Через минуту ударила колокольчиком о косяк и велела принести ей чай. Её отец ещё дышал. В кружке испорченного воска, который я несла домой, чёрная точка прилегла к самому краю. Во дворце начинался

обыкновенный рабочий день, выбирать, кому таковым считать будущий, предстояло теперь живым.

Глава 2. Где зимуют свидетели

По закону, если после смерти короля оставался несовершеннолетний наследник, регента выбирали советом трёх берегов. Выбор собирал единовременно князей, судей городов и представителей свободных речных дворов. Король однажды сам назвал это самой дорогой переправой в государстве: каждый берег мог назвать другое лицо, тогда требовались новые лодки, чтобы везти всех на второе собрание. Он предусмотрел удобный способ этого избежать. Пока государь дышит, он называет опекуна собственной волей. Распоряжение прихватывает печатью при хранительнице. При дворе не пользовались вторым способом шестьдесят семь лет. Последний раз избранному регенту было восемьдесят, и он умер раньше, чем до него с посольством добрались.

Мы были речное королевство в самую неудобную пору года. Тонкий лёд возле столицы уже начинал шевелиться, в горах ещё по два локтя снега. Если городских судей можно созвать за полдня, люди с плотов, речные наши судьи, находились на зимовках по берегам или в своих деревнях. У капитанов домов обычно было по два, потому что пройти всю реку за лето один раз ещё можно, вернуться удавалось редко. В какую сторону посылать, предстояло угадывать, а пока хозяева искали бы по миру собственных выборных, правом распоряжаться имел только коронный совет полным составом. Указ о выдаче войску денег пришлось бы сперва возить через реку ко всем девяти. Три казначея имели с собой печати, которые могли утверждать текущий расход в размере обычного содержания двора. Выдать одновременно многомесячное жалованье на этих мелких печатях было невозможно. Зелёный воск при попытке поставить одну и ту же разрешающую точку в разных местах возвращался к тому, что уже запечатал. Это свойство обнаружили двести лет назад, когда один беззаботный человек попробовал продать северный рыбный садок сразу двум жёнам.

Первым ко мне пришёл начальник дворцовой стражи. Его звали Домен. Он был из речного народа, постриженный в столице и заново научившийся носить мягкие сапоги. Зимой его глаза чуть сужались, как бывает у всех привыкших часами смотреть на ослепительный снег. Он попросил назвать час созыва совета.

— Государь утром говорил со мной.

— Все знали, что он утром говорил. К часу будут знать и что он сказал. Я хочу до полудня выставить на дороге лошадей. Деньги на их содержание у нас осталось взять у вас.

— А вам обязательно на лошадях? Капитаны все в городе. В государственной соляной палате. Они обжалуют штраф за осенние задержки, с четверга ждут в моём коридоре. Я же отправляла вам список на пропуска.

Первый раз в жизни я видела, как у человека от одного вовремя просмотренного списка пропала потребность в двадцати восьми упряжках. Глаза у Домена стали светлее.

— Половины хватит, если есть по одному человеку с каждого зимнего двора, — сказал он. — Но они же в долгу у государя. Они могут оставить в залог своё право носить дорожную бирку.

Я взяла со стола вчерашний список. На девятнадцать капитанов нашлось одиннадцать бирок. Остальные предупредили о приезде через товарищей и ещё сидели на реке. Одиннадцати как раз хватало.

Через час у входа в соляную палату нас ждала только босоногая уборщица с двумя деревянными вёдрами. Оказалось, утром капитанов велели перевести за караулку как казённых должников. Для тех, кто там сидит, протоколы совета были закрыты, а выборное их право нельзя было осуществить телом другого человека. Самое красивое состояло в том, что ни один закон при этом не нарушали. Дорожную бирку действительно можно взять за неуплату. Можно поселить должника в тёплой казённой комнате на солдатский хлеб. Там он прокормится, пере-

ждёт разбор счета. Снаружи участь таких людей выглядит прямо сносной. На дворе было минус восемь.

— Кто решил их обогреть? — спросила я у уборщицы.

— Господин казначей. Тот, с рукавом. Им туда даже тюфяки везут из запасного дворца, чего вы воду из ведра делаете.

Вид у Домена изменился. У него был свой отец среди этих речных. Причём в списке он значился просто под номером девять, человек с третьей пристани Холмового мыса, и никаких преимуществ от сыновней власти ему не предназначалось. Домен ушёл, я осталась и принялась считать, сколько дней его отец находится под взысканием.

На запястье от сильного холода у меня натёрли кожу края железного ларца. Он был на перевязи, сняв которую моя предшественница умерла одиннадцать лет назад. Большинство придворных верили, что снять его со здорового живого человека невозможно. Печати всегда носят на себе. Мы охотно поддерживали веру в особую силу ремней, между тем я ежедневно снимала ларец, чтобы искупаться. Держала печать приклеенной мягкой восковой бляшкой с изнанки одежды. Чудес на земле вполне достаточно, когда людям дали слишком мало времени выяснить, что действительно происходит.

Мой брат встретил нас с двумя серебряными блюдами. На одном завернули мелко рубленную капусту, на другом нарезали солонину. Охранники у крыльца открывали рот, ожидая, что через несколько минут бросят каждому хоть по корочке. Он сам принёс им обед из столовой для офицеров.

— Так и предвидел, что вы захотите меня видеть. Быстрее было бы написать.

— Богдан, ты отобрал у речников право голоса.

— Я им сберёг деньги и жизнь. Четверо ночевали в сарае, три человека хотели заложить ножи. У них долг по сбору за причал, а не по доходам их детей. Когда открывают взыскание, их кормили бы в любом случае.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.